

УДК 159.923.2

Эмпирическое изучение критериев кризиса идентичности студентов старших и младших курсов

М. Ю. Кузьмин

Иркутский государственный университет
E-mail: mirroy@mail.ru

И. А. Конопак

Иркутский государственный университет
E-mail: iakonopak@gmail.com

Аннотация. Анализируется проблема кризиса идентичности и критериев, позволяющих его определить. Авторы рассматривают существующие в отечественной психологии критерии кризиса идентичности. По результатам эмпирического исследования, проведенного на выборке студентов старших и младших курсов, авторы делают вывод о надежности тех или иных критериев для определения кризиса идентичности.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, критерии кризиса идентичности.

Проблема кризиса идентичности остается одной из самых актуальных при исследовании данного феномена. Собственно, основатель учения об идентичности Э. Эриксон изучал идентичность как раз через призму ее трансформации, подчас драматичной, в ходе возрастных кризисов [15].

Как справедливо указывает Ю. Г. Овчинникова, основные изучения идентичности как в нормальном состоянии, так и в кризисном пришлось на 70-е и 80-е гг. прошлого столетия [6]. В это время были созданы основные классификации идентичности в ее нормальном и кризисном состояниях (А. Уотерман, Дж. Марсиа).

В отечественной психологии интерес к проблеме кризиса идентичности существенно возрос в первое десятилетие XXI в. При этом изучение данной темы ведется по различным направлениям. Так, Ю. Г. Овчинникова изучает прежде всего проблему кризиса личностной идентичности [6], Т. Г. Стефаненко – кризис социальной и прежде всего этнической идентичности [10, с. 11], Н. М. Лебедева рассматривает кризис идентичности с точки зрения смыслового аспекта [3], Н. В. Жигинас интересуется прежде всего кризисом студентов, причем в медико-психологическом аспекте [2]. Наконец, Н. А. Самойлик разделяет собственно кризис идентичности и нормативный кризис возрастного развития, предлагая рассматривать кризис идентичности как отдельную категорию [8].

Выделение различных аспектов в целостном феномене кризиса идентичности неизбежно приводит к различным трактовкам данного явления, выделению различных критериев кризиса, а также к разработке инструментария в соответствии с избранными критериями.

Так, по мнению Ю. Г. Овчинниковой, среди критериев кризиса идентичности можно выделить:

- нарушение доверительных отношений;
- эмоциональные проявления (чувство одиночества и т. п.);
- нарушения временной перспективы;
- пониженное самоуважение;
- особенности трудовой деятельности;
- использование масок или ролей в повседневной жизни;
- негативную групповую идентичность;
- психосоматические проявления;
- сновидения [6].

Для изучения выделенных критериев Ю. Г. Овчинникова использовала широкий набор методов и методик, включающий тематический апперцептивный тест (ТАТ), рисунок несуществующего животного, опросник уровня личностной тревожности Тейлора. Для выяснения причин кризиса, получения дополнительной информации о его индикаторах и возможных вариантах нахождения выхода проводилась полустандартизованная беседа. В качестве дополнительных методов использовались диагностика самооценки по шкалам Дембо – Рубинштейн, тест «Кто я?», биографические материалы, развернутая беседа или их серия [6].

Еще одна группа критериев – правда, достаточно узкая и связанная только со студентами – предложена Н. В. Жигинас. Обозначенная автором как «дезадаптивный симптомокомплекс» кризиса идентичности, данная система критериев включает:

- снижение учебной и профессиональной мотивации;
- нарушение доверительных отношений;
- тревожность, чувство одиночества;
- понижение самоуважения, идентификация с негативной социальной ролью или ложной идентичностью с присвоением чужих черт («маски»);
- утрату контроля над собственной жизнью, нарушение временной перспективы, снижение способности к планированию [2].

Л. Б. Шнейдер изучает идентичность и ее кризис, используя разработанную Э. Эриксоном, Дж. Марсиа и А. Ватерманом классификацию ее состояний (преждевременная идентичность, диффузная идентичность, мораторий, достигнутая позитивная идентичность, псевдопозитивная идентичность). При этом для диагностики статуса идентичности используется разработанная Шнейдер методика МИЛИ – методика изучения личностной идентичности, которая основана на методе свободных ассоциаций [13].

Е. Л. Солдатова в своих работах также затрагивает проблему кризиса именно личностной идентичности, причем рассматривает его как имеющего нормативную природу. Согласно ее концепции, взрослый человек в своем развитии проходит как стабильные периоды, так и нормативные кризисные периоды, динамика которых связана с изменением социальной ситуации развития и задачами, которые ставит жизнь перед человеком, достигшим того или иного возраста. При этом изучить динамику нормативных кризисов можно, исследуя эгоидентичность. В разработанный ею опросник СЭИ-тест (методика диагностики структуры и статусов эгоидентичности) включены такие шкалы (и, соответственно, показатели наличия или отсутствия кризиса), как:

- «Ответственность за выбор», или «Творческая сила развития» (ТС);
- «Самодостаточность», или «Сила эго» (СЭ);
- «Осознанность жизненного пути» (ОЖ);
- «Эмоциональная зрелость» (ЭЗ);
- «Принятие настоящего» (ПН);
- «Осознанность собственных ценностей» (ОЦ);
- «Соответствие себе» (СС) [9; 12].

В противоположность описанным концепциям Н. А. Самойлик разграничивает нормативный возрастной кризис и собственно кризис идентичности. По ее мнению, если нормативный кризис происходит на стыке двух возрастных периодов, то кризис идентичности не связан с конкретным возрастом; если нормативный кризис предполагает изменение социальной ситуации развития, то кризис идентичности связан прежде всего с изменением ценностно-смысловой системы; если нормативный кризис переживается как внешний конфликт, то кризис идентичности – как внутренний; если нормативный кризис подготавливается предыдущим ходом развития, то кризис идентичности происходит внезапно; если нормативный кризис короткий и длится от нескольких месяцев до года, то кризис идентичности может длиться годами; если нормативный кризис неустойчивый, то кризис идентичности закрепляется в структуре личности; наконец, если нормативный кризис не дезадаптирует личность, то кризис идентичности носит явно дезадаптивный характер [7].

Для изучения кризиса идентичности Н. А. Самойлик использует «Опросник кризисной идентичности», который представляет собой попытку создать методику, позволяющую проанализировать выраженность проявлений кризиса идентичности у молодых людей (прежде всего студентов). Основными диагностическими категориями методики (ОКИ) являются следующие: 1) детско-родительские, семейные отношения (ДРСО); 2) ценностно-смысловой аспект (ЦСА); 3) эмоциональный аспект (ЭА); 4) поведенческий аспект (ПА); 5) межличностные и профессиональные отношения (МПО); 6) сексуальный аспект (СА); 7) стрессовые факторы (СФ); 8) социальная желательность (СЖ); 9) показатель кризиса идентичности (КИ) [7].

Наконец, М. Ю. Кузьмин также изучает кризис идентичности, рассматривая как личностный, так и социальный компоненты. При этом им используется следующая система критериев кризиса идентичности:

- перенос личностью на себя гетеростереотипов другой группы, выражающийся в приписывании себе негативных черт или низкой оценки актуального развития имеющихся черт;
- категоризация себя исключительно в групповых терминах («студент», «мужчина») без их оценки;
- стремление к идентификации себя преимущественно с неформальными группами;
- высокий уровень тревожности [5].

Для изучения кризиса идентичности используется методика «Двадцать утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда в модификации Ю. А. Васильевой и методика изучения тревожности Дж. Тейлора в адаптации Т. А. Немчина. При этом автор предлагает свою систему классификации ответов испытуемых в методике «Кто я?» [5].

Таким образом, в настоящее время в отечественной психологии существуют как бы несколько традиций изучения кризиса идентичности – в зависимости от того, кризис какой (личностной или социальной) идентичности рассматривается; понимается ли он как нормативный или нет; рассматривается ли он в целом; или выделяется кризис какой-то одной (например, этнической) идентичности. При этом используются различные системы критериев и подбираются неодинаковые методики. Ряд авторов (Ю. Г. Овчинникова, М. Ю. Кузьмин) преимущественно опираются на методику «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда, другие (С. А. Дроздова, С. В. Латыпов) – на методику МИЛИ Л. Б. Шнейдер, третьи (Е. Л. Солдатова, И. А. Шляпникова) применяют преимущественно СЭИ-тест. Наконец, четвертые (Н. А. Самойлик) используют разработанные при их участии опросники ОКИ.

На наш взгляд, представляет интерес вопрос, насколько согласуются различные критерии кризиса идентичности, представленные в разных методиках. В связи с этим целью нашего исследования стало изучение критериев кризиса идентичности студентов старших и младших курсов.

База и методы

Мы использовали методику «Оценка кризиса идентичности» [1], методику МИЛИ Л. Б. Шнейдер [13], а также методику «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда, обработка которой осуществлялась по М. Ю. Кузьмину [5], и методику Дж. Тейлора в адаптации Т. А. Немчина [по 4].

В исследовании приняли участие 74 студента факультета психологии 1–2-х курсов в возрасте до 18 лет включительно (42 девушки и 32 юноши) и 79 студентов старших курсов и магистрантов в возрасте старше 18 лет (45 женщин и 34 мужчины). Таким образом, выборка исследования в целом повторяла ту, которую мы рассматривали в предыдущем исследовании [5]. Тем интереснее было узнать, насколько полученные результаты подтвердят сделанные ранее выводы и как они соотносятся с критериями, взятыми в других методиках.

Для сравнения результатов использовался t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна – Уитни.

Результаты и обсуждение

На первом этапе мы проанализировали, какие различия существуют между студентами старших и младших курсов по шкалам методики «Оценка кризиса идентичности» (ОКИ), «Методика изучения личностной идентичности» и методики «Кто я?».

Прежде всего удалось установить, что по методике ОКИ существуют значимые различия между студентами младших и старших курсов по таким шкалам, как «Поведенческий аспект» (ПА) ($t = -2,074, p < 0,01$), «Стрессовые факторы» (СФ) ($t = -1,975, p < 0,01$) и «Социальная желательность» (СЖ) ($t = -2,935, p < 0,01$). Оказалось, что студенты младших курсов демонстрируют сравнительно больше признаков неуверенности в себе, пассивности в отношении с окружающими, социальной изоляции. Они ощущают большую стрессовую нагрузку, а также демонстрируют желание преподнести себя в лучшем свете, явное стремление проявить социально одобряемые качества.

В целом полученные результаты подтверждают сделанное ранее автором предположение [5] о том, что студенты младших курсов испытывают сравнительно больший стресс, нежели студенты старших курсов.

Перейдем теперь к анализу различий, существующих между студентами различных курсов, по методике «Кто я?».

Как следует из табл. 1, основные различия между студентами старших и младших курсов приходятся на личностные и социальные аспекты идентичности. У студентов старших курсов выше показатели учебно-профессиональной, семейной, деятельностной, перспективной идентичности. У студентов младших курсов, наоборот, более выражены показатели личностной идентичности в различных ее проявлениях (указания качеств своей личности, субъективное описание своих личностных качеств и т. п.). Закономерно различалась и выраженность идентичности с неформальными группами у студентов старших и младших курсов (см. табл. 1).

При этом обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Студенты младших курсов не демонстрируют значимо большей выраженности негативного самоотношения по основным шкалам методики «Кто я?», равно как и студенты старших курсов не демонстрируют значимо большей выраженности позитивного самоотношения. А ведь именно этот критерий кризиса идентичности был подтвержден нами ранее.

Правда, студенты младших курсов в целом демонстрируют значимо большую выраженность негативного самоотношения, если суммировать этот показатель по всем шкалам ($U = 511, p < 0,01$). Однако вместе с тем, если суммировать показатель положительного самоотношения также по всем шкалам, то он окажется значимо более выраженным у студентов младших курсов ($U = 940, p < 0,01$).

Таблица 1

Сравнение результатов младших и старших курсов по методике «Кто я?»

Идентичности	Статистика U-Манна – Уитни	Асимпт. знач. (двухсторон- няя)
Учебно-профессиональная позиция (студент, учусь в университете, учитель, игрок, поэт)	985	0,01
Семейная принадлежность (дочь, сын, брат и т. д.)	1208,5	0,01
Положительная оценка личностных качеств (добрый, искренний, настойчивый, иногда вредный, иногда нетерпеливый, кличка)	918	0,01
Личностные качества (добрый, искренний, настойчивый, иногда вредный, иногда нетерпеливый, кличка)	1672,5	0,04
Дружба (друг, восприятие себя членом группы друзей)	1681	0,03
Субъективное описание своих физических данных, внешности (сильный, приятный, привлекательный)	1799	0,01
Субъективное положительное описание своих физических данных, внешности (сильный, приятный, привлекательный)	1664,5	0,02
Деятельностная идентичность	1570	0,01
Положительная оценка деятельности (хочет играть в футбол, любит решать задачи)	1359	0,01
Перспектива деятельности, пожелания, мечты, связанные с деятельностью (буду хорошим учителем)	1487,5	0,01
Глобальное, экзистенциальное «Я» (человек разумный, моя сущность)	1630,5	0,03
Идентичность с неформальными группами	1250,5	0,01
Позитивная идентичность	940	0,01
Негативная идентичность	511,5	0,01

На наш взгляд, этот факт можно объяснить следующим образом. Во-первых, большинство положительных и отрицательных оценок приходится на описание студентами себя в категориях личностной идентичности. Последняя превалирует у студентов младших курсов. Во-вторых, как мы обнаружили при помощи методики ОКИ, у студентов младших курсов обнаружилась тенденция выставлять себя в позитивном свете, давать социально одобряемые ответы. Возможно, это же нашло выражение и при выполнении методики «Кто я?».

Для проверки данной гипотезы мы исключили из выборки тех студентов, которые демонстрировали высокие показатели по шкале «Социальная желательность» методики ОКИ. Последующий анализ при помощи U-критерия Манна – Уитни выявил значимые различия только по интегральной шкале «Негативная идентичность»: оказалось, что студенты младших курсов демонстрируют большую выраженность негативного самоотношения, чем студенты старших курсов ($U = 437, p < 0,01$). При этом значимых различий по интегральной шкале «Позитивная идентичность» обнаружено не было.

Кроме того, проявились различия в уровне тревожности по шкале Тейлора. Студенты младших курсов оказались значимо более тревожными, нежели студенты старших курсов ($U = 3528, p < 0,01$). Отчасти это связано с тем, что исследование со студентами 1-го курса проводилось в первые дни их обучения. Однако, учитывая, что в равной мере в исследовании представлены данные студентов 2-го курса не старше 18 лет, по нашему мнению, можно утверждать, что тревожность студентов младших курсов в большей степени связана с переживанием ими кризиса идентичности, нежели с ситуативными обстоятельствами.

Интересно, что по шкале методики МИЛИ различий между студентами старших и младших курсов обнаружено не было. И те, и другие студенты демонстрировали в среднем диффузную идентичность (26 – среди студентов младших курсов и 25 – среди студентов старших курсов). Вместе с тем среди студентов старших курсов больше тех, кто демонстрирует достигнутую позитивную идентичность (14 чел. против 0 у студентов младших курсов), а среди студентов младших курсов значимо больше тех, кто демонстрирует псевдопозитивную идентичность (16 против 3 чел. у студентов старших курсов). Однако утверждать, что данное различие значимо, у нас нет оснований.

Перейдем теперь к анализу корреляционных связей, существующих между шкалами различных методик.

Прежде всего выяснилось, что высокие показатели по шкале «Сексуальный аспект» методики ОКИ, отражающий выраженный кризис идентичности у испытуемых по данному вопросу, позитивно коррелирует с высокой выраженностью у испытуемых нейтрального отношения к своей «семейной» и «полоролевой» идентичности ($\rho = 0,31, \rho = 0,29, p < 0,01$). Получается, что чем более испытуемые не удовлетворены сексуальным аспектом, тем чаще они указывают соответствующую идентичность, правда, не называя соответствующую ее оценку.

Одновременно обнаружилось, что высокие показатели по шкале «Социальная желательность» методики ОКИ положительно связана с упоминанием учебно-профессиональной идентичности ($\rho = 0,3, p < 0,01$). Закономерно, что студенты, желающие продемонстрировать себя в лучшем свете перед преподавателем, упоминают прежде всего свой статус учащегося вуза.

Гораздо больше связей обнаружилось при анализе корреляций шкал методики ОКИ и компонентов личностной идентичности. Так, негативная оценка качеств своей личности позитивно коррелирует практически со всеми шкалами методики ОКИ – «детско-семейных отношений», «ценностно-смысловым аспектом», «эмоциональным аспектом», «поведенческим аспектом» и «межличностно-профессиональным аспектом» ($\rho = 0,29, \rho = 0,27, \rho = 0,29, \rho = 0,32, \rho = 0,31, p < 0,01$). Вместе с тем позитивная оценка себя испытуемыми не демонстрирует столь же однозначных отрицательных корреляций со шкалами методики ОКИ (исключая лишь шкалу «ценностно-смысловой аспект», $\rho = 0,3, p < 0,01$). Получается, что если негативная оценка себя студентами младшего курса оказывается значимым маркером кризиса их идентичности, то позитивная оценка ими себя отнюдь не означает благополучия последней. Во многом, как мы отмечали выше, это связано с обнаруженной выше социальной желательностью ответов ряда студентов младших курсов.

Вместе с тем у студентов старших и младших курсов в отдельности характер связи различается принципиально.

Прежде всего удалось установить, что у студентов старших курсов отсутствуют значимые связи между шкалами методики ОКИ и компонентами учебно-профессиональной, гендерной и личностной идентичности. Существует только значимая отрицательная связь между выраженностью семейной идентичности и уровнем социальной желательности методики ОКИ ($\rho = -0,28, p < 0,01$).

Наоборот, у студентов младших курсов наблюдается тесная связь между гендерной идентичностью и поведенческим аспектом ($\rho = -0,32, p < 0,01$) и между учебно-профессиональной идентичностью и стрессорирующими факторами ($\rho = 0,34, p < 0,01$). Получается, что чем больше студент ощущает стрессорирующий фактор, тем чаще он указывает свою учебно-профессиональную принадлежность (что закономерно), и чем более у студентов выражена гендерная идентичность, тем меньше они демонстрируют тенденцию к изоляции, уходу.

Любопытно, но выраженность семейной идентичности студентов оказывается положительно связанной с эмоциональным аспектом и межличностно-профессиональным аспектом методики ОКИ ($\rho = 0,31, \rho = 0,27, p < 0,01$). Получается, что чем больше студенты испытывают дискомфорт, связанный с переживанием ими негативных эмоций, чем менее они себя находят в межличностном взаимодействии, тем больше ассоциируют себя с семьей.

Данная тенденция интересна, учитывая то место, какое занимает семейная и учебно-профессиональная идентичность в структуре идентичности студентов младших курсов. Как мы показывали ранее, на них приходится основные связи системы идентичности. Аналогично и в полученных нами данных семейная и учебно-профессиональная идентичности оказываются выраженными у студентов, в наибольшей мере испытывающих кризис идентичности.

Однако наибольшее число связей показателей компонентов социальной идентичности и шкал методики ОКИ приходится на этническую идентичность. Согласно полученным данным, у студентов с выраженной этнической идентичностью одновременно оказываются выражены кризисные тенденции в ценностно-смысловом аспекте, поведенческом и межличностно-профессиональном аспекте ($\rho = 0,31, \rho = 0,28, \rho = 0,36, p < 0,01$). Получается, что ряд студентов, испытывающих кризис ценностно-смысловой сферы, стремятся избегать семейных и социальных контактов, находят опору в своей этнической принадлежности.

Дополнительный анализ показал, что высокая этническая идентичность оказывается свойственной преимущественно юношам ($\rho = 0,44, p < 0,01$ между этнической идентичностью и полом). Таким образом, можно сделать вывод, что если для девушек, испытывающих кризис идентичности, опорой оказывается прежде всего семейная, то для юношей – этническая принадлежность.

Корреляции между показателями компонентов личностной идентичности и шкал методики ОКИ у студентов младших курсов в целом повторяют тенденции, выявленные на всей выборке. Более того, учитывая, что у студентов старших курсов корреляций между шкалами методики ОКИ и личностной идентичностью обнаружено не было, можно сделать вывод, что все они относятся к студентам младших курсов.

Интересно, что не были обнаружены корреляции между различными шкалами методики ОКИ и шкалой методики МИЛИ. Получается, что взятые за основу методик критерии у Л. Б. Шнейдер и Н. А. Самойлик не совпадают.

При этом связи между шкалой методики МИЛИ и шкалами методики «Кто я?» у студентов разных курсов обнаружили следующие различия. Если у студентов младших курсов зафиксированы положительные корреляции между шкалой МИЛИ и негативным самописанием в категориях полоролевой идентичности, а также идентичности с неформальными группами ($\rho = 0,31$, $\rho = 0,36$, $p < 0,01$), то у студентов старших курсов, наоборот, шкала МИЛИ положительно связана с позитивным описанием себя в категориях полоролевой и этнической идентичностей ($\rho = 0,29$, $\rho = 0,37$, $p < 0,01$). Получается, что у студентов с ростом негативного самописания по гендерному признаку растет уровень личностной идентичности, а у студентов старших курсов, наоборот, он повышается с ростом позитивного самописания в категориях гендера. Возможно, это объясняется различным местом гендерной идентичности в личностной структуре студентов старших и младших курсов.

Выводы

Таким образом, на основании сравнения результатов испытуемых различного возраста по методикам ОКИ, МИЛИ, «Кто я?» и шкале тревожности Тейлора можно сделать следующие выводы о том, насколько точны показатели кризиса идентичности, выделяемые различными авторами.

В целом выделенные нами критерии кризиса идентичности (перенос личностью на себя гетеростереотипов другой группы, выражающийся в приписывании себе негативных черт или низкой оценки актуального развития имеющихся черт; категоризация себя исключительно в групповых терминах («студент», «мужчина») без их оценки; стремление к идентификации себя преимущественно с неформальными группами; высокий уровень тревожности) нашли подтверждение.

Оказалось, что существующие методики (тест ОКИ) уточняют характер кризиса, который переживают студенты младших курсов.

Кроме того, мы обнаружили еще один возможный критерий кризиса идентичности. Учитывая мнение Н. Л. Ивановой, а также положения теории идентичности Э. Эриксона, можно предположить, что идентификация с качествами своей личности связана с объявлением моратория. В такой ситуации личность, с одной стороны, не описывает себя в негативных категориях групповой принадлежности, но, с другой стороны, избегает и позитивной идентификации себя с какой-либо социальной группой. Следовательно, высокий уровень личностной идентичности также может считаться критерием кризиса идентичности в целом.

Вместе с тем этот признак касается только студентов младших курсов. Как показало наше исследование, только в этом возрасте выраженность компонентов личностной идентичности связана со шкалами, отражающими выраженность кризиса в методике ОКИ. У студентов старших курсов таких связей не обнаружено.

Список литературы

1. Диагностика кризиса идентичности: монография / Н. В. Дмитриева [и др.]. – Новокузнецк : РИО КузГПА, 2012. – 134 с.
2. Жигинас Н. В. Психология кризиса идентичности студентов: персонологическая концепция, феноменология, медико-психологическое сопровождение : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Н. В. Жигинас. – СПб., 2011. – 50 с.
3. Иванова Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности: дис. ... д-ра психол. наук / Н. Л. Иванова. – Ярославль, 2003. – 399 с
4. Камынина И. В. Копинг-стратегии личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : автореф. дис.... канд. психол. наук / И. В. Камынина. – Хабаровск, 2008. – 26 с.
5. Кузьмин М. Ю. Кризис идентичности у студентов и его связь с жизнестойкостью : автореф. дис.... канд. психол. наук / М. Ю. Кузьмин. – СПб., 2012. – 32 с.
6. Овчинникова Ю. Г. Роль конструктивного кризиса идентичности в развитии личности : дис. ... канд. психол. наук / Ю.Г. Овчинникова. – М., 2004. – 164 с.
7. Самойлик Н.А. Психолого-педагогические условия переживания кризиса идентичности студентов вуза на начальном этапе обучения : автореф. дис.... канд. психол. наук / Н. А. Самойлик. – Кемерово, 2012. – 23 с.
8. Самойлик Н. А. Феноменология кризиса идентичности / Н. А. Самойлик // Мир культуры, науки и образования. – 2010. – № 6 (25), ч. 2. – С. 119–121.
9. Солдатова Е. Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека : дис. ... д-ра психол. наук / Е. Л. Солдатова. – Екатеринбург, 2007. – 50 с.
10. Стефаненко Т. Г. Социальная психология этнической идентичности : дис. ... д-ра психол. наук / Т. Г. Стефаненко. – М. : МГУ, 1999. – 245 с.
11. Стефаненко Т. Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках / Т. Г. Стефаненко // Трансформация идентификационных структур в современной России. – М., 2001. – С. 11–30.
12. Шляпникова И.А. Взаимосвязь эго-идентичности и личностной зрелости : автореф. дис. ... канд. психол. наук / И. А. Шляпникова. – Челябинск, 2010. – 24 с.
13. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л. Б. Шнейдер. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2007. – 234 с.
14. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб. : Речь, 2000. – 276 с.
15. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с.

Empiric Research of Junior and Senior Students' Identity Crisis Criteria

M. Y. Kuzmin, I. A. Konopak

Abstract. The problem of identity crisis and the criteria permitting to define it are analyzed. The authors examines the identity crisis criteria existing in our psychological science. The authors comes for different identity crisis. Using empiric research which was conducted on the sample of junior and senior students.

Keywords: identity, identity crisis, identity crisis criteria.

Кузьмин Михаил Юрьевич
кандидат психологических наук, доцент
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, К. Маркса, 1
e-mail: mirroy@mail.ru

Kuzmin Mikhail Yur'evich
Candidate of Sciences (Psychology)
Associate Professor
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
e-mail: mirroy@mail.ru

Конопак Игорь Александрович
кандидат философских наук, доцент
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, К. Маркса, 1
e-mail: iakonopak@gmail.com

Konopak Igor Aleksandrovich
Candidate of Sciences (Philosophy)
Associate Professor
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
e-mail: iakonopak@gmail.com